

ТЕАТР ПЕВИЦЫ

КЛАВДИЯ Ивановна Шульженко начинала как драматическая актриса в Харькове. Там же начала петь на эстраде. С тех пор прошло более сорока лет. За это время сменялось много звезд, но звезда Шульженко не закатилась. Фирма «Мелодия» выпустила недавно три пластинки типа «гигант» с записями ее песен. На них собраны песни разных лет — 30-х годов, военных и послевоенных. Эти избранные странички сохраняют голос Шульженко, или, вернее, голоса, потому что с течением лет менялся репертуар, менялось исполнение. Знаменитый «Синий платочек» аранжирован заново. Музыкальная фраза стала плотнее, словно короче, стала звучит прозаичнее, чем когда-то оркестр, а голос — строже, чем когда-то. Наверное, многие помнят киноленту военных лет — К. Шульженко светловолосая, стройная, поет трагическую душу песню о синем платочке и держит его в руке — символ счастья; им тогда был мир и дом. Теперь Шульженко сдержанно напоминает о былом времени, о лирическом вальсе своей молодости.

Шульженко осталась актрисой. С годами ее манера исполнения обогащалась новыми мотивами, утверждая себя в песнях, которые приобретали необыкновенную популярность. Шульженко — явление уникальное на нашей эстраде — «над всеми модами века» пронесла облик своей героини и показала ее жизнь такой, какой она складывалась. Она выдержала натиск интонационных и ритмических революций, продолжая петь вальсы и танго. Секрет ее творческого самообладания прост — она владеет стилем. Недаром певца считается соавтором поэтов и композиторов, ее исполнение становится неотъемлемым свойством песни, таким же, как слова и музыка.

Крут авторов, пишущих для Шульженко, включает имена, разделенные временем, вкусами, популярностью. Ни достоинства текста, ни слава композитора сами по себе еще не залог того, что Шульженко будет петь песню. Е. Жарковский, М. Фрадкин, Г. Петербургский, А. Лепин, Э. Колмановский, Т. Маркова, Б. Фомин, М. Танич, С. Есенин, В. Лебедев, Е. Евтушенко, Н. Доризо — в этом списке есть авторы популярных песен и есть авторы, чьи песни поет только Шульженко. Здесь нет никакого правила. Шульженко словно ловит в море песенных вариантов тот, который будет соответствовать ее театру, ибо песни Шульженко — лирическая драма, театр,

в котором представление, не кончаясь, увлекает все новыми подробностями одной жизни.

Шульженко всегда сопутствовал успех и признание. Ничем не омраченный путь, тем не менее, был по-своему трудным. Она заняла позицию своеобразного лирического своеволия и стоит на ней до конца. В начале тридцатых годов она выступила в сугубо лирическом репертуаре; в наши дни эта лирика, ненадуманная и слегка экспансивная, соперничает с вызывающей и куда более драматичной откровенностью современной эстрадной песни.

Песни Клавдии Шульженко — не странички интимного дневника, а отрывки задушевного разговора. Героиня — сдержанная, но жизнелюбивая и обаятельная, открывается в искреннем диалоге у которого есть, оказывается, объект — любимый, который всегда далеко; друг, с которым предстоит долгая разлука; даже подтеза — свидетель многих «эпох» одной судьбы. Песни Шульженко пронизаны печалью гордой страстностью, лукавством. Героиня ее песен может быть разной: ветреной, вызывающей, независимой, нежной. Но какой бы она ни была, в ней всегда живо стремление сохранить в душе — без горечи, страданий, отречения — все воспоминания прошлого и все счастье настоящего.

Ее призывы просты — «давай помолчим», «возьми гитару», «приходи поскорей», ее истории незатейливы и порой вырастают из суетных мелочей: «Я вчера нашла совсем случайно, у себя в шкафу...» Шульженко присущ артистизм, и, может быть, он еще более заметен тогда, когда она поет «мужские» песни. Она находит несравненную, мужественную интонацию, повторяя, как припев, «давай закурим, товарищ мой!» Ее голос меняется, словно усваивая правила фронтовой этики без развязности, и городская, женственная героиня отступает на второй план, понимая значение таких минут и такой солидарности.

Во время войны Шульженко, как и весь народ, делала «все для фронта». Она выступила более тысячи раз в концертах организованного ею вместе с В. Коралли ансамбля Дома Красной Армии. В эти годы в ее песнях появляется зрелость, делая их как будто более выдержанными, настоявшимися. Шульженко находит особую, терпкую музыкальную выразительность. Когда она поет «Танго у разбитого танка», ее голос дробит мелодию на страстные «па» вслед за роялем, а затем собирает ее вновь в маршевом ритме. Это тяжеловатое танго

словно театральная декорация, слишком пыльная для того действия, которое развернется на ее фоне. Оно, в самом деле, как сон, приснившийся среди реальных разбитых танков и горящих мостов. Таинственная, экзотическая протяженность, томность этой музыки воспринимается без недоумений, поскольку в танго, плывущем из темноты, в его нереальности и пышности есть своя правда, своя жизнь.

Вальс Шульженко — от гимна вальсу до конспекта его, от «Вальса о вальсе» до «Трех вальсов» — другая стихия. Шульженко меняет и интонации, и повороты мелодии; ее скольжения, торможение темпа, вихрь и едва различимый его отголосок создают вальсу, как человеку, возраст, характер, судьбу.

Шульженко предпочитает старомодные жанры — танго, вальс — и это понятно, ибо в них, в настроении и строении, содержится пафос той обыкновенной, но приподнятой жизни, о которой она поет. Шульженко умеет развлечь заскучавших и утешить несчастных.

В своем апофеозе жизнелюбия она дает рецепты, в общем-то легко выполнимые, она обрадует неудачу в красивое воспоминание о ней, тем самым уже облегчая горечь минувшего. Она берет избитые или, напротив, достаточно нетипичные для эстрады темы — несчастная любовь, одиночество, улетающая неизвестно куда молодость, — и поет так, что всякий, кто затронут этим, слышит ее с благодарностью за исцеление.

Подобно своим знаменитым современникам и коллегам, Шульженко воспевает только то, во что верит и чем живет сама, будь то затаенная мечта, удачливый бег жизни или беспыльная открытость всем ветрам на свете. На первый взгляд, репертуар певицы не равен по качеству, но Шульженко снимает все упреки достоинствами своего театра на эстраде. Главное свойство этого песенного стиля — чуткость к злободневности, ощущение подспудных слоев и оттенков бытия и в то же время независимость от него. Шульженко возвышает будни, но только за счет ресурсов и вершин самого бытия, и потому у ее искусства так много поклонников.

Е. СЕМЕНОВА.